Н.А. Ореховская

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

ОРЕХОВСКАЯ Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (e-mail: orehovskaya@yandex.ru)

Аннотация. *Парадоксальность массового сознания россиян проявляется в противоречивом единстве разнонаправленных черт и качеств народа. Природа парадоксальности менталитета массового сознания формировалась под влиянием противоречивого хода истории, природно-географического положения страны между Востоком и Западом, специфики русского православия и другие события в современной России подтверждают антиномичную характеристику массового сознания россиян.*

Ключевые слова: *массовое сознание, менталитет, историческая память, национальная психология, религия, культура.*

Не существует народов плохих или хороших, у каждого из них есть свои недостатки, слабости и соблазны. Русский народ не является в этом отношении исключением и по праву считается одним из самых неоднозначных и противоречивых народов мира. Об этом приходится говорить, ибо сегодня вновь оживилась односторонняя этнонигилистическая и русофобская тенденция в оценке русского народа и его истории. Как и много десятилетий назад через средства массовой информации тиражируется мысль о неполноценности русского народа и о его неспособности к историческому творчеству. Поверхностные оценки истории России и стремление абсолютизировать «ахиллесовы» изъяны русской нации обусловливают потребность в объективном, взвешенном подходе, который учитывал бы как положительные – «святые», так и негативные черты русского национального облика. В этой связи Президент России Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию дал убедительную социально-историческую характеристику русского народа – народа с тысячелетней историей, который освоил и цивилизовал огромную территорию, создал неповторимую культуру, могучий экономический и военный потенциал[1].

Как мы полагаем, объективный подход к русскому народу связан с признанием глубоко противоречивого характера проявления его ментальных качеств массового сознания. Национальный менталитет – это глубинная

[1] См.: Российская газета. – 2008. – 6–12 нояб.

суть массового сознания, в котором выражены самые важные внутренние сущности его качества. Сущность массового сознания рассматривается как субъективно-объективная реальность особого рода, проявляющаяся как психологическое и социокультурное явление.

Менталитет являясь качественной характеристикой массового сознания, представляет собой своеобразную память народа о прошлом, психологическую детерминанту поведения тысяч людей, верных своему исторически сложившимуся «коду» в любых обстоятельствах. Менталитет русского народа, как и менталитет любого другого народа, складывается из противоречивого единства возвышенного и земного и проявляет себя в сосуществовании и противоборстве разнонаправленных черт и качеств. Специфика русского народа заключается в том, что ментальные противоречия приобретают у него форму парадоксов, то есть сочетания неожиданных, острейших, взаимоисключающих и в то же время одинаково верных определений. Именно парадоксальный характер проявления ментальных качеств массового сознания становится камнем преткновения на пути взвешенной и объективной оценки русской нации.

Первооткрывателем парадоксальности русского менталитета в массовом сознании был Ф.М. Достоевский. Он увидел и гениально описал глубоко противоречивую суть русской национальной психологии. В русском народе сочетаются, казалось бы, непримиримые противоречия. С одной стороны, наш народ груб и невежествен, предан мраку и разврату, варвар, ждущий света, а с другой, повторяет Ф.М. Достоевский вслед за К. Аксаковым, русский народ уже давно просвещен и образован[1].

Противоположные и одинаково верные утверждения о русском народе согласуются, если уметь отличать душевную красоту русского народа от наносного варварства. Непреходящими ценностями в ментальном облике русского народа, свидетельствующими о его внутренней душевной красоте, выступают чистота, кротость, простодушие, широта ума и незлобие.

Выдающимся знатоком парадоксальности русской души был также Н.А. Бердяев, называвший, правда, это свойство антиномичностью. Еще в годы Первой мировой войны он писал: «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость»[2]. Такой подход освобождает русское национальное самосознание как от национальной гордыни и фальшивой идеализации, так и от космополитического и рабского самоуничижения.

Парадоксы бытия и сознания русского народа отразились в русской литературе и философии, которые являются наиболее глубокими формами национального самосознания. Ярким социально-культурным обнаруже-

---

[1] См.: *Достоевский, Ф.М.* Собр. соч. : в 12 т. – Т. 11. – М., 1998. – С. 3.

[2] *Бердяев, Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1994. – С. 3.

нием амбивалентности русского менталитета выступает парадоксальное существование русского национального самосознания в двух полярных формах – славянофильстве и западничестве – как полюсах национального самосознания. Как мы полагаем, аргументы духовного отца русских западников П.Я. Чаадаева, унижающие русское национальное достоинство, являются не менее верными по сравнению с контраргументами его великого оппонента А.С. Хомякова, который, наоборот, возвеличивал русский народ и говорил о его высокой исторической миссии в освобождении мира ото лжи и лицемерия западной цивилизации. Славянофильство и западничество отражают глубокую внутреннюю противоречивость русского менталитета и дуалистическую природу массового сознания россиян.

Опыт революции и гражданской войны в России укрепил Н.А. Бердяева в мысли об антиномичности как коренной и родовой для русских национальной черте. Русским присуще сочетание и совмещение антиномичных, полярно противоположных начал: «Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями»[1]. По нашему мнению, можно говорить о двух уровнях существования противоречий ментальной жизни русского народа: общенациональном и бытовом. На общенациональном уровне ключевым русским парадоксом выступает вопрос, как мог самый анархический, свободолюбивый и безгосударственный народ создать могущественнейшее государство, поработившее в конечном итоге своих граждан. Никакая историософия, западническая или славянофильская, это не разгадала. Одинаково верны доводы как в пользу того, что Россия – самая безгосударственная и анархическая страна в мире, так и в пользу того, что это самое государственное и бюрократизированное политическое образование в мировой истории.

Однако парадоксы народного менталитета проявляются не только на государственном общенациональном уровне, но и на уровне народного бытия, где они пропитывают ткань повседневной жизни русских людей. В русском народе на повседневном, обыденном уровне причудливым образом сочетаются жестокость, склонность к насилию и доброта, мягкость и человечность; искание правды и упрямое обрядоверие; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; всечеловечность и национализм; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт; болезненная сострадательность к чужому горю и склонность причинять страдания другим[2]. Поэтому русским народом можно и очароваться, и не менее сильно разочароваться, от него можно ждать любых неожиданностей, он способен внушить к себе как сильную любовь, так и не менее сильную ненависть.

События в современной России лишь подтверждают данный вывод. Шквал преступности, невиданное циничное сверхобогащение олигархов

[1] *Бердяев, Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 255.

[2] См. там же. – С. 44.

за счет обнищания своих сограждан не могут не вызвать разочарования и сомнения в положительных качествах русского народа. Однако за этой грязью и нравственным беспределом нельзя не видеть, что миллионы «униженных и оскорбленных» русских людей сохранили честь и достоинство, человечность, доброту и сострадательность. Многовековые духовные устои народной души по-прежнему сдерживают русскую нацию от соблазна тотального погружения в пучину аморальности и разврата.

Парадоксы русского менталитета созданы сложным и противоречивым ходом русской истории, их корни уходят в глубь веков. Исходная причина парадоксальности связана с природно-географическим положением России между востоком и западом, в силу чего русская душа впитала в себя как западное, так и восточное влияние: «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад»[1]. Россия не является ни чистым Западом, ни чистым Востоком, она есть огромный Востоко-Запад, и ее историческая миссия состоит в том, что она соединяет два этих мира.

Эти парадоксы связаны также со спецификой русского православия, которое в форме двоеверия соединило греческую веру с языческой славянской мифологией: «Два противоположных начала легли в основу формации народной души: народная, языческая, дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие»[2]. Отсюда в русском народе могут проявиться не только аскетическая непритязательность к земным благам, но также склонность к оргиям и бесшабашной разгульной жизни. Русский народ склонен к покорности церковной или государственной власти, но именно он породил в своих рядах Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Существует еще одна причина крайней противоречивости русской нации, которая связана со специфически национальными особенностями в соотношении душевных стихий. Как считает С.А. Аскольдов, душа всякого народа, в том числе русского, трехсоставна. Любая душа включает в себя начало святое, специфически человеческое и звериное. Своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоизмеримо слабым в сравнении с национальной психологией других народов[3]. В русском ментальном типе наиболее сильными началами являются святое и звериное, в то время как у европейских народов эти стихии уравновешены более мощным развитием специфически человеческого начала. Такую ситуацию С.А. Аскольдов объясняет за-

---

[1] *Бердяев, Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – С. 44.

[2] Там же. – С. 45.

[3] См.: *Аскольдов, С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции; Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1991. – С. 225.

поздалым развитием России и слабостью в русской культуре гуманистического влияния. Гуманизм в культуре проявляется в независимом от религии уровне развития науки, техники, этики, искусства, общественности. Русский же народ уступает в указанных областях другим европейским народам. Поэтому русский человек, сочетавший в себе по преимуществу зверя и святого, никогда не успевал в среднем, в чисто человеческом, и был гуманистически некультурен на всех ступенях своего развития[1].

В силу слабости среднего человеческого начала, уравновешивающего крайности звериного и святого начал, русский народ подвержен резким колебаниям между святостью и звероподобием. Ярость и мягкость, лютость и добродушие, тихость и беспокойство переплетены в русском менталитете в сложных и подчас неожиданных сочетаниях. В нормальных условиях, обеспечивающих социальный или религиозный контроль, русский народ сдерживает в себе давление периферийных звериных душевных стихий. Ситуация резко меняется в экстремальных условиях, когда русский народ выходит из-под контроля религиозных и политических институтов и пробуждает в себе звериные душевные стихии, проявляющиеся в жестокости, склонности к насилию и разгульной жизни.

Всеми условиями исторического бытия русский народ поставлен в такое положение, когда выживание нации зависит от сверхнапряжения жизненных сил, будь то борьба с суровой и непредсказуемой природой или борьба с неспокойными соседями. Этот сверхнапряженный характер национального бытия вылился в образование специфического качества массового сознания россиян, которое можно обозначить как безмерность жизненного порыва. Она проявляется в необычайной страстности, темпераментности и резких колебаниях национально-психологической энергии.

Открывает и гениально описывает это национальное ментальное качество Ф.М. Достоевский. Он обнаруживает свойство, лежащее в самых глубинах массового сознания и представляющее собою «вечный двигатель» внутренней энергии и мощи русского духа. «Это прежде всего забвение всякой мерки во всем... Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину и, в частных случаях, но весьма нередких, броситься в нее, как ошалелому, вниз головой»[2]. В качестве социально-культурного проявления безмерности русского менталитета Ф.М. Достоевский избрал историю простого деревенского парня, совершившего кощунственное святотатство в форме попытки на спор выстрелить из ружья в крест с изображением распятого

---

[1] См.: *Аскольдов, С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции; Из глубины. Сборник статей о русской революции. – С. 26.

[2] *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя: избранные страницы. – М., 1989. – С. 60.

Иисуса Христа. Парень покушается на самое святое, что есть у русских, ибо «может быть единственная любовь народа русского есть Христос...»[1]. Поступок становится причиной глубокого кризиса в душе простого крестьянина и через несколько лет он на коленях приползает с покаянием к старцу, который и рассказывает Ф.М. Достоевскому впоследствии эту историю.

Безмерность жизненного порыва как сущностное качество менталитета заключается в потребности отрицания всего и вся, в отказе от самых главных святынь, в неукротимой решительности заявить о себе в хорошем или поганом. Причем в порыве саморазрушения и самоотрицания иной честный человек может совершить мерзкий и безнравственный поступок, а добрейший человек стать омерзительным и безобразным преступником.

Однако Ф.М. Достоевский видит и противоположную отрицанию тенденцию, вытекающую из безмерности жизненного порыва. В критической для национального существования ситуации срабатывает инстинкт национального самосохранения, и русский народ с не меньшей, чем самоотрицание, страстью и энергией спасает себя. Примечательно, что обратный процесс, то есть движение от самоотрицания и саморазрушения к самовосстановлению и самоспасению совершается намного сильнее и основательнее.

Социально-культурным репрезентантом безмерности жизненного порыва выступает поведение русского народа во времена с регулярной периодичностью выпадающих на его долю национальных смут. Примечательны уроки великой русской смуты начала XVII в., когда русский народ в порыве самоотрицания поставил, казалось бы, крест на самой возможности самостоятельного национального бытия. Сплошная цепь предательств со стороны национальной элиты, перманентный разбой, убийства и пожары по всей стране сделали Россию легкой добычей для иноземных завоевателей и внутренних ренегатов. Однако в самый критический момент сработал инстинкт национального самосохранения, и безмерность жизненного порыва стала с еще большей энергией работать в противоположном направлении. Началась консолидация русского общества на базе традиционных национальных ценностей в виде православной веры и царской власти. Олицетворением общесословного национального единства стал символический союз между нижегородским кожевенником Козьмой Мининым и знатным воеводой князем Дмитрием Пожарским.

И сегодня – в порыве самоотрицания и саморазрушения – русский народ покусился на многовековую государственность и остановился у опасной черты, за которой возможен распад и так ужавшейся после развала

[1] *Достоевский, Ф.М.* Дневник писателя: избранные страницы. – С. 63.

СССР России на удельные территории. Из теоретической в практическую плоскость переходят планы расчленения современной России и образования на ее территории нескольких государств. Так, видный американский политик и ученый З. Бжезинский говорит о целесообразности возникновения на современной территории России трех конфедеративных государств: европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики[1]. За счет территориального раздела России США намерены, как следует из рассуждений З. Бзежинского, удовлетворить свои гегемонистские притязания на мировое лидерство. Такие замыслы выглядят не столь абсурдными, как может показаться на первый взгляд. Следует учитывать, что значительная экономическая и политическая элита в России принадлежит сегодня олигархическим и компрадорским по своей сути группировкам, интересы которых не всегда совпадают с общенациональными российскими интересами. Надеемся на то, что инстинкт национального самосохранения запустит энергию, заключенную в русской безмерности, в созидательное русло, связанное с укреплением российской государственности. Надо полагать, что реформа административного устройства России станет шагом в направлении предотвращения возможного расчленений страны.

Список литературы

Аскольдов, С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции; Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1991.

Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1994.

Бжезинский, З. Геостратегия для Евразии // Политическая мысль второй половины XX в. : хрестоматия для студентов вузов ; сост. В.А. Мальцев. – Пермь, 1999.

© Ореховская Н.А., 2009

[1] См.: *Бжезинский, З.* Геостратегия для Евразии // Политическая мысль второй половины XX в. : хрестоматия для студентов вузов ; сост. В.А. Мальцев. – Пермь, 1999. – С. 496.